

Л.Я.Ляпина

ТРАДИЦИЯ ПРОЩАНИЙ С ПЕТЕРБУРГОМ В ЛИРИКЕ XIX—XXI ВВ.

Исследуется традиция русской лирики, сложившаяся на основе мотива расставания лирического героя с Петербургом — и рефлексии этого события. Сюжеты и поэтика таких стихотворений в XIX в. эволюционировали и выработали ряд типовых форм; в XXI в. они взаимодействуют и используются многими авторами.

Ключевые слова: лирика, Петербург, прощание, сюжет, поэтика

Мотив прощания обнаруживает свой сюжетообразующий потенциал уже в элегической поэзии «золотого века», где утрата обычно порождает медитацию, творческое размышление. Расставание (с чем-то или кем-то) вызывает потребность высказаться обо всем, личностно связанным с исчезающим, уходящим — что и происходит в лирическом обращении-монологе. В лирику активно входят такого рода сюжеты: «К морю» («Прощай, свободная стихия...» (А.С.Пушкин, 1824), «Прощание с элегиями» — Н.М.Языков, 1824), «Прощание с халатом» (П.А.Вяземский, 1817), «Прощай, немытая Россия...» (М.Ю.Лермонтов, 1840), и др.

Что касается феномена «прощаний с Петербургом», то его корни обнаруживаются тоже в XIX веке — и, конечно, в Петербурге. 9 августа 1840 г. в доме Меца в Фонарном переулке, где жили братья Нестор и Платон Кукольниковы, состоялся званый дружеский вечер в честь М.И.Глинки. Поводом был предстоящий его отъезд за границу, в связи с чем его друзья, артисты, музыканты, литераторы во главе с Н.В.Кукольниковым составили шутливую театрализованную программу вечера, включившую обед, чай, ужин, а в промежутках между застольями — развернутую музыкальную часть. В основу последней было положено исполнение самим Глинкой цикла романсов, написанных им на слова Н.Кукольника и озаглавленного «Прощание с Петербургом». Этот цикл, включивший 12 романсов, составил своеобразную вокальную сюиту; нам интересна ее литературная составляющая. Вошедшие в цикл тексты, различные по жанру, связаны единой темой — странствий, решенной в романтическом ключе. Каждый из романсов содержал посвящение одному из друзей; а финальная «Прощальная песня» сопровождается эпиграфом: «Слова посвящены Михаилу Ивановичу Глинке. Музыку друзьям посвящает М.Глинка». В цикле это единственный текст, где наконец имплицитно присутствует Петербург — как место творческого общения с дружеской «братией» [1, с. 64-65; 5, с. 41-42, 70-77].

В дальнейшем именно образ Петербурга становится центральным для немалого числа произведений, озаглавленных словосочетанием «Прощание с Петербургом» или фактически посвященных этой теме. Кукольник не был создателем этой традиции: она вообще сложилась не под влиянием единого авторитетного текста (что было характерно для эпохи романтизма), но выросла спонтанно, проявляясь в творчестве разных поэтов-лириков, принадлежавших общему литературно-культурному полю — где ее актуальность, помимо элегической проблематики, обуславливалась вниманием к теме Петербурга, особенно в его личностном восприятии. Определяющие черты поэтики этой нежанровой модели сложились уже в XIX веке. Интересно в этом плане сопоставить «Прощание с Петербургом» П.П.Ершова (1835) и «Прощание с Петербургом» и Ап.Григорьева (1846) — стихотворения, сходные структурно, но полярные в плане выраженного отношения к покидаемому городу.

Ершов пишет свое стихотворение в связи с предстоящим переездом в Тобольск после шести лет жизни в Петербурге, где он закончил университет и начал писать. Образ Петербурга в этом стихотворении — возвышенный; это — восхищенное любование, воспевание, окрашенное печалью в предчувствии разлуки. Его поэтика сугубо романтична; гиперболизировано как восхищение городом, так и представление об окончательности расставания с ним.

Первая часть стихотворения — это подробный, занявший более страницы текста, характерный для поэзии первой половины XIX века «идеальный» Петербургский пейзаж, традиционно — вечерний, с изображением заката. Он начинается обращением к заре:

Сокрылось солнце за Невую,
Роскошно розами горя...
В последний раз передо мною
Горишь ты, невская зоря!
— и завершается прощанием с нею:
Ты вновь оденешь запад хладный.
Огнями вечера; но, ах!
Не для меня...
....
Прими последнее прощанье!..

Далее текст обрывается отточиями, обозначающими характерно романтический эффект «невместимости» переживания в текст.

Вторая часть — это получающее одическую окраску обращение к Петербургу как «граду державному», «венцу отчизны православной»; она включает упоминание истории Петербурга, Петровскую тему, надежды на будущее страны:

Прости, Петрополь величавый,
Невы державный полубог!
Цвети под радужным сияньем
Твоей блистательной весны
И услаждай воспоминаньем
Поэта пламенные сны!
[2, с. 150-151]

Аполлон Григорьев провел в Петербурге чуть более двух лет, тоже в ранней молодости, начинающим литератором; поводом для прощального сюжета тоже стало возвращение на родину (только не в Сибирь, а в Москву). Но модальность его характеристики Петербурга диаметрально противоположна ершовской — это первый в отечественной лирике сатирический портрет столицы:

Прощай, холодный и бесстрастный,
Великолепный град рабов,
Казарм, борделей и дворцов,
С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной
К ударам палок и кнутов,
С твоею подлой царской службой...

— и т. д., вплоть до финального:

Будь проклят ты!.. [3, с. 152]

Этот обличительно-категоричный текст, с многоточиями на местах эвфемизмов, не мог быть опубликован; он распространился в списках. Причины его создания биографы объясняют неуравновешенной, страстной натурой Григорьева, усугубленной неудачной любовью. Если в стихотворении Ершова образ Петербурга идилличен, то Григорьев создает яростную инвективу (несколько неожиданную, заметим, на фоне других его стихотворений о Петербурге, где, несмотря на двойственное *видение* города, очевидна привязанность к нему). В контексте нашей проблемы эти два стихотворения наглядно обозначают широкий эмоционально-оценочный диапазон возможностей жанра лирического прощания с Петербургом.

В целом на протяжении XIX века традиция лирических стихотворений, посвященных прощанию с Петербургом, оформилась, обрела устойчивые черты. Сюжетная основа таких стихотворений в это время определяется предстоящим отъездом героя из города, где он провел значимую для него часть жизни. Центральное место в сюжете занимает обобщенный «портрет» города, посвященный переживаниям лирического героя в связи с расставанием и отчетливо выражающий его отношение к Петербургу. Традиция эта оказалась перспективной, хотя и подверженной историческим изменениям.

В лирике XX века эта модель трансформируется, наполняясь новым содержанием — прежде всего в творчестве поэтов-эмигрантов первой волны, где количество стихотворений о Петербурге огромно (достаточно упомянуть составленную Р.Тименчиком и В.Хазаном антологию [4]). Здесь меняется многое, начиная с исторических обстоятельств. Все эти стихотворения написаны не в ожидании отъезда из Петербурга, а после, когда он уже остался в прошлом. Соответственно, и переживание разлуки носит у этих авторов психологически иной характер; в частности, слов прощания в них нет. Понятно, что все это диктовалось контекстом реального отъезда, который представлялся покидавшим Россию, как правило, временным, недолгим, происходил в обстановке поспешности, неопределенности. Позже, в стихотворениях, написанных в затянувшейся и обретшей постоянство зарубежной жизни, упоминания давнего отъезда если и встречаются, то редко — и в «свернутом» виде, сжатом как правило до беглого упоминания:

А уезжая, думал «до свиданья»,
Смотря на невские стальные воды...
(Е.В.Шах «Мелькнули битвы,
города, народы...», 1925) [4, с. 539]

— или вообще до одиночного эпитета:

Далеким стал прощальный вечер,
Ночной туманный Петроград
(В.И.Лурье «Эшелон») [4, с. 335]

Можно проследить, как с течением времени разлука с Петербургом становится источником все более тяжелых, неотступных переживаний, находящих свое выражение в лирическом творчестве поэтов, которые тоскуют и размышляют о произошедшем — но и о будущем. Мотив разлуки получает почву для развития уже в новом, усложненном проблемном развороте; драматическое мироощущение перерастает в трагическое, причем как в судьбе поэта, так и в судьбе города, страны. Личный отъезд оказывается не эпизодом, а жизненным крахом, признанием невозможности вернуться. Но в прямом виде, как обращение к оставленному городу, тема окончательного расставания в лирических текстах поэтов-эмигрантов избегается. Сюжеты строятся на описании своей тоски, боли, любви к Петербургу; и эти насыщенные воспоминаниями монологи завершаются, как правило, не словами «прощания навсегда», а надеждой на встречу с городом — в реальности, мечтах, воображении, под влиянием хода истории или неожиданного чуда. Исключения единичны; такова, к примеру, концовка стихотворения Валентина Горянского («Можно забыть о многом...»):

Ничего не осталось от милых лет,
Прощай, мой сладостный город! [4, с. 246]

У подавляющего большинства авторов Петербург — «навсегда невозвратный», «бывший», «казненный» — все равно, как правило, остается лишеным прямого лирического «прощай».

Так в эмигрантской лирике первой волны интересующая нас традиция обретает парадоксальное качество «прощания без прощания»: последнее заменено гипотетическими сюжетами преодоления этой ситуации в будущем. При этом характерная для модели XIX века выраженность личного авторского отношения к городу сохранилась, предельно усилившись.

Сменился и усложнился масштаб происходящего. Для лирического героя-поэта — это крушение сложившейся жизни; но и больше: другим предметом лирического переживания в этих произведениях становится мучительный вопрос о судьбе города. Это дало толчок новой проблемной линии в эмигрантской лирике первой волны. Единый образ Петербурга расщепляется на несколько — взаимоисключающих, противостоящих друг другу:

Стоит Петровский Петербург
В чужом и страшном Ленинграде...
(Т.И.Остроумова «Наперекор людской судьбе...», 1939) [4, с. 367]

Отношения лирического «я» с городом обретают новый драматизм — тревоги за его настоящее и будущее. В эмигрантскую лирику приходит новый мотив: уходящего, исчезающего города. Он характерен для ностальгической лирики В.Набокова. Образ города метафоризируется, субъективизируется — как в обращениях к нему:

...Ты растаял,
Ты отлетел, а я влachu виденья
В иных краях...
(«Петербург» («Мне чудится в Рождественское утро...»), 1923) [5, с. 259]

— так и в описаниях, где он обретает трагические черты:

...Теперь же, падший властелин,
Он умер, скорбен и один...
(«Петербург» («Так вот он, прежний чародей...»), 1921) [5, с. 240]

...Город погребенный
Воскреснет вновь, все будет в нем
Прекрасно, радостно и ново,-
А только прежнего, родного
Мы никогда уж не найдем...
(«Брожу в мечтах, где брел когда-то...», 1921) [5, с. 244]

Сюжетное изображение расставания инвертируется: удаляется, исчезает здесь не человек, а город.

Заметим, что внимание к исчезновению бывшего Петербурга не ограничивалось творчеством поэтов-эмигрантов. В стихотворениях авторов того же поколения, созданных на родине, и нередко — безотносительно прямой связи со страшными социально-историческими и идеологическими катаклизмами российской жизни, ощущение и признание необратимой изменчивости образа города становится одной из характерных тем (проблемных, хотя и лишенных трагизма).

Так, у Всеволода Рождественского («За мокрыми облаками...», 1916):

За мокрыми облаками
Вечер суров и прост.
Заплаканными огнями
Опоясан Дворцовый мост,
И ветер мой плащ взвивает,
Как двести лет назад...
Ах, сердце тебя не знает,
Каменный Петроград!
Я помню, как пахли стружки
И глухо звенел топор;
Здесь после ночной пирушки
Крушили смолистый бор,
Здесь плотничьи пел он песни,
Рубанком ровняя струг.
Воскресни же, воскресни,
Деревянный Петербург! [6, с. 491]

Отсутствие в лирике Серебряного века, посвященной расставанию с Петербургом выраженного, вербализованного прощания с городом может вызвать сомнение: не размывается ли здесь сложившаяся ранее неожанровая модель, не есть ли это признак завершения традиции?

Однако обращение к многочисленным стихотворениям «петербургской» тематики второй половины XX — начала XXI вв. свидетельствует об обратном. Мотив прощания в это время вновь активно эксплицируется; а проблематика и сюжетная организация таких стихотворений обнаруживают продолжение и развитие всех главных тенденций, характерных как для XIX, так и для XX века. Иными словами, традиция универсализуется.

Характерно, что выражение «Прощание с Петербургом» в лирической поэзии последних десятилетий используется настойчиво, причем чаще всего — в заглавиях, репрезентируя тему и обретая устойчивость почти фразеологическую. Что касается сюжетов, то их основой выступает расставание с Петербургом, отъезд — который обычно обозначен в тексте. И это часто, как в XIX в., отъезд предстоящий, переживаемый в сознании героя-поэта. Но его образ усложняется, обретает многоплановость, порой символизируется — и одновременно как бы уплотняется текстуально. Развернутые описания (особенно характерные для воспоминаний в эмигрантской лирике первой волны) заменяются поэтикой намеков, аллюзий, конспективным («пунктирным») стилем изложения; смешением языковых пластов, стилей. А также — обилием реминисценций, знаменующих укорененность сюжета вынужденного расставания с городом в литературной памяти. Последнее принципиально важно в русле нашей темы: особенности такой поэтики, хотя и порожденные новым временем в целом, все же свидетельствуют и о том, что перед нами развитие единой традиции, демонстрирующей на протяжении последнего полувека конструктивную «память о себе», своей истории. И это тоже входит в понятие универсализации.

Так это в авторской («бардовской») песне — многочисленных «Прощаниях с Петербургом» Евгения Клячкина, Михаила Щербакова, Антона Духовского:

Вот накатанный путь
И знакомый разбег.
Так куда поведет
Нынче эта кривая?

В центре — шпиль. А Нева —
На полпальца правой,
Эти волны меня
С головой накрывают.

Что исчезло из глаз,
Никуда не ушло.
И хоть в прежний поток
Никогда не войду я,

Но помимо меня
Он течет и течет,
Как помимо меня
Ветер дует и дует.
(Е.Клячкин «Вот накатанный путь...», 1991) [7]

Прощанье с Петербургом... Играйте, господа!
Уже другие буквы! Надолго! Навсегда!
Ах, детская считалка! Ах, мокнувший перрон!
Не жаль! Не жаль! Не жалко, что кто-то вышел вон...
(А.Духовской «Прощание с
Петербургом») [8]

Горьких писем вязанки тугие
Без разбору огонь пролистал...
Мы — другие, другие, другие,
Мы вернемся в родные места!
...
Неспроста неожиданно просто
Вдруг срывается строчка с пера:
«Раз, два, три — на Васильевский остров
Я приду — раз, два, три — умирать...»
(А.Духовской «Возвращение») [8]

Продолжается, выходя на новый виток развития, тема необратимой изменчивости образа Петербурга. К рубежу XX—XXI вв. сюжет инвертированного расставания — «ухода» города — уже не требует «расшифровки», читателю достаточно поэтики отсылки. Так это у А.М.Городницкого:

Дворцы и каналы на месте.
А прежнего города — нет...
(«Ленинградская песня», 1981) [9, с. 280]

Речь идет уже не столько об архитектурной, сколько о духовной ауре города. Прощание с Петербургом становится важной, выраженной темой и для тех, кто не уезжает физически, но переживает драматическое ощущение разлуки с городом, переставшим быть похожим на себя. При этом образ города и на этом витке традиции остается предельно индивидуализированным, переживание — личным (при этом внятным для современников).

Можно заметить еще целый ряд других особенностей в разработке традиции «прощаний с Петербургом», которые, обозначившись в XIX веке, возрождаются и получают развитие к концу XX века. Такова эстетическая разноприродность произведений, получающих название «Прощание с Петербургом». В 1840 году многосоставным (лирика, музыка, вокал, театрализованное действо) был прощальный вечер в честь отъезда М.И.Глинки. Позже Иоганн Штраус, выступавший в 1856—1865 гг. по приглашению дирекции Царскосельской железной дороги в Павловском вокзале, написал вальс «Прощание с Петербургом»; а еще позже, в 1971 г. Ян Фрид снял кинофильм под тем же названием — о жизни Штрауса в России и о его любви к Ольге Смирницкой. А уже в недавнее время (2004) цикл «Прощание с Петербургом» был создан музыкантами рок-группы «Юкон».

Стремление к циклизации «прощаний с Петербургом», восходящее к романской сюите в честь М.Глинки, также характерно для последних десятилетий, особенно в «бардовской» поэзии.

И наконец, универсализация традиции выразилась в наше время еще и в том, что она обнаруживает себя в творчестве поэтов разных статусов. Наряду с произведениями известных авторов, всевозможные «прощания с Петербургом» исключительно популярны также в самодельной, «низовой» поэзии. В этом несложно убедиться, хотя бы обратившись к ресурсам Интернета. Выделим здесь лишь два момента, существенных для нашей темы в целом. Первый — это сам факт возрастающей потребности обращения к этой традиции, личного приобщения к ней. Второй — хорошее знание авторами всевозможных изводов неоянтра, вариантов мотивного и композиционного оформления лирического обращения к Петербургу, проявляющееся в поэтике «прощаний». Особенно интересна авторефлексия традиции, приобретающая интегративный характер (например, цикл «Прощание с Петербургом» Ф.Городова [10]). Представляется, что эта тема заслуживает дальнейшего специального рассмотрения.

-
1. Глинка М.И. Записки. М.: Музыка, 1988. 222 с.
 2. Ершов П.П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1976. 336 с.
 3. Григорьев А. Стихотворения и поэмы. М.-Л.: Сов. писатель, 1966. 412 с.
 4. Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна) / Сост. Р.Тименчик и В.Хазан. СПб.: Академический проект, 2006. 848 с.
 5. Набоков В.В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 656 с.
 6. Петербург в русской поэзии XVIII — первой четверти XX века: Поэтическая антология / Сост. М.В.Отрадина. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 664 с.
 7. URL: http://bard.ru/cgi-bin/book_.cgi?id=62 (дата обращения: 18.11.2017).

8. URL: <https://www.wispoz.com/text/anton-duhovskoj> (дата обращения: 18.11.2017).
9. Городницкий А.М. Сочинения. М.: Локид, 2000. 672 с.
10. URL: <https://www.stihi.ru/avtor/krasnyikut&book=11#11> (дата обращения: 10.04.2017).

References

1. Glinka M.I. Zapiski [Notes]. Moscow, 1988. 222 p.
2. Ershov P.P. Konek-gorbunok. Stikhotvoreniya [The little humpbacked horse. Poems]. Leningrad, 1976. 336 p.
3. Grigor'ev A. Stikhotvoreniya i poehmy [Verses and poems]. Moscow, Leningrad, 1966. 412 p.
4. Timenchik R., Khazan V., comp. Peterburg v poehzii russkoy eh migratsii (pervaya i vtoraya volna) [Petersburg in the poetry of Russian emigration (first and second wave)]. Saint Petersburg, 2006. 848 p.
5. Nabokov V.V. Stikhotvoreniya [Poems]. Saint Petersburg, 2002. 656 p.
6. Otradina M.V., comp. Peterburg v russkoy poehzii XVIII — pervoy chetverti XX veka: Poehticheskaya antologiya [Petersburg in Russian Poetry of the 18th first quarter of the 20th Century: Poetic Anthology]. Saint Petersburg, 2002. 664 p.
7. Available at: http://bard.ru/cgi-bin/book_cdi?id=62 (accessed: 18.11.2017).
8. Available at: <https://www.wispoz.com/text/anton-duhovskoj> (accessed: 18.11.2017).
9. Gorodnitskiy A.M. Sochineniya [Works]. Moscow, 2000. 672 p.
10. Available at: <https://www.stihi.ru/avtor/krasnyikut&book=11#11> (accessed: 10.04.2017).

Liapina L.E. Parting with Petersburg tradition in lyrics of 19th — 21st centuries. The article presents the tradition in Russian lyrics formed by using theme of parting the poet with Petersburg — and reflecting on it. Plots and poetics of such poems developed and formed a series of types in the 19th century; yet many poets of the 21st century join them together and employ.

Keywords: lyrics, Petersburg, parting, plot, poetics..

Сведения об авторе. Л.Е.Ляпина — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет, имени А.И.Герцена, Санкт-Петербург, larissa.lyapina@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.